

**Господин палеокон.
Послесловие к статье Пола Готфрида
«Палеоконсерваторы: правые
изгои Америки»**

В истории палеоконсерватизма главная и, быть может, единственная лагуна – генезис данного термина. Никто из журналистов не сообщает определенно, в каком конкретно тексте он впервые появляется. «Википедия» туманно указывает на конец 1980-х как на эпоху рождения «палеоконсерватизма». Однако существует общее мнение, согласно которому «крестным отцом» движения, тем, кто дал ему имя, является политический философ Пол Готфрид (р. 1941). Готфрид – автор многочисленных популярных книг по истории политической философии, из которых две последние посвящены философии Лео Штрауса и европейскому фашизму как идеологическому течению [2; 4]. К концу 1980-х годов он уже был популярным автором и публицистом ряда консервативных изданий, таких как “Chronicles”.

Поначалу термин «палеоконсерватизм» в интерпретации Готфрида не имел прямой связи с вопросами внешней политики: философ искал какой-то общий термин, который помог бы связать воедино разные идейные течения в правом лагере, не принятые консервативным мейнстримом. Речь шла о католических традиционалистах, хранителях традиций американского Юга, а также о различных радикальных антикоммунистических группах, откровенно враждебных Новому курсу президента Франклина Рузвельта. Но уже тогда, в конце 1980-х, в консервативном движении Америки тон стали задавать так называемые неоконсерваторы. В отличие от будущих палеоконов они сравнительно легко вошли в консервативный мейнстрим и смогли занять ведущие позиции не только в самом движении, но и в элите Республиканской партии.

Неоконсерваторы, или неоконы, как их стали впоследствии называть, были далеко не столь непримиримы ко всем завоеваниям Нового курса, как их «палео»-оппоненты, хотя успехи социальной инженерии и вера в то, что с помощью науки можно решить все общественные проблемы, их немного пугали. Однако неоконы поставили в основу собственного консервативного кредо миссию своей страны защищать и повсеместно утверждать идею демократии и прав человека, в том числе и с помощью военной силы. Эта идея оказалась если не востребованной, то услышанной внешнеполитическим сообществом обеих партий, когда перед ним встал вопрос – что делать с разнообразными рудиментами холодной войны, то есть с просоветскими или колеблющимися режимами, которые после краха коммунистического блока не рухнули и не стали стопроцентными сателлитами США, но с тем или иным успехом продолжили свое существование. Что делать с Милошевичем, Хусейном, Каддафи, Асадом?

Межуев Борис Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, председатель редакционного совета сайта «Русская idea». E-mail: borismezhuev@yandex.ru

Неоконы давали на этот вопрос однозначный и недвусмысленный ответ – добивать по мере возможности, пользуясь теми или иными поводами к непосредственному вторжению. Поскольку неоконы, как правило, имели тесные связи с Израилем, то к упомянутому приоритету добавлялся другой – безоговорочная поддержка этого государства и война со всеми его врагами, при полном равнодушии к мнению ООН и к возражениям союзников в Европе. В итоге неоконы смогли стать посредствующим звеном между либеральными «ястребами», клевавшими все не слишком лояльные США посткоммунистические режимы за недостаточную демократичность, и «религиозными правыми» с их эсхатологической верой в победу Израиля как знамение Второго пришествия и не менее эсхатологическим презрением к безбожной Европе. Неоконы одной рукой обменивались пожатиями с либералами, а другой – обнимали религиозных ультраконсерваторов. И без них не склеивался никакой прочный внешнеполитический консенсус, в их отсутствие Америка белых фермеров просто не находила общего языка с Америкой финансистов и менеджеров крупных компаний. И поэтому их было невозможно изгнать из консервативного движения. А при Буше-мл. люди этого образа мыслей оказались настолько влиятельны, что смогли спровоцировать не слишком далекого президента на вторжение в Ирак по ложному поводу и с катастрофическими для этой страны последствиями.

Недовольные засильем неоконов в консервативном движении политики, мыслители и публицисты стали называть себя «палеоконсерваторами». И сразу начали подвергаться разнообразным нападкам со стороны всех остальных идейных течений Америки. Следует признать, что эти нападки не всегда оказывались безосновательными. Среди палеоконов были люди, явно ностальгирующие по временам расовой сегрегации, те, кому дикий капитализм доружвельтовских времен представлялся самой свободной эпохой. Наконец, почти все палеоконы были поклонниками сенатора-республиканца Роберта Тафта – противника не только образования блока НАТО, но и вовлечения Америки во Вторую мировую войну на стороне империалистической Англии и тоталитарного Советского Союза. Из песни слова не выкинешь, но именно палеоконы являлись самыми последовательными противниками продолжения холодной войны в виде атаки на все возможные недемократические или, точнее, непослушные режимы, исходя из каких-то туманных глобальных и чуждых самой Америке перспектив.

И вот поразительным образом именно те люди, которые полагали, что нашей стране не стоило помогать в борьбе против фашизма, составили, пожалуй, самый русофильский сегмент политического спектра Америки.

Пол Готфрид сегодня считает, что своеобразное акмэ движения пришлось на начало 1990-х, когда оппозиция интервенционистской внешней и ружвельтианской внутренней политике сплотила вокруг фигуры Патрика Бьюкенена как возможного кандидата в президенты США палеоконсерваторов и так называемых палеолибертарианцев [1]. Идейный лидер последних, публицист Мюррей Ротбард, заявил на открытии клуба Джона Рэндольфа: «Мы отменим XX век». Он имел в виду, что холодная война закончилась, коммунизм пал, и теперь самое время отказаться от пережитков «сдерживания» и Нового курса – свернуть созданное XX веком «военизированное социальное государство» – “warfare welfare state”. Палеоконов отличало от палеолибертарианцев важное обстоятельство – последних не слишком заботила проблема сохранения особой идентичности Америки, они не были сторонниками сохранения в национальном масштабе христианских религиозных табу, и их – в отличие от палеоконов – не слишком волновала проблема миграции. Наконец, для либертарианцев абсолютным табу была тема протекционизма, поскольку свободный рынок они считали самым консервативным из всех социальных институтов. Однако общая ненависть

к неоконам и проявляющему к ним все большую благосклонность республиканскому мейнстриму сильнее и сильнее сближала эти идейные течения.

Однако в этом альянсе, как признается сам Готфрид, палеоконеры оказались в итоге более слабым течением – их гораздо легче, чем либертарианцев, можно было обвинить в расизме, нативизме, наконец, антисемитизме. Палеоконеры подвергались этим упрекам постоянно. С начала 1980-х их стали выдавливать из всех уважаемых изданий, имеющих общенациональную циркуляцию. В 1981 году под сильнейшим давлением со стороны неоконсерваторов друг Готфрида, специалист по изучению культуры Юга Америки Мэл Брэдфорд не получил назначение в Национальный фонд содействия гуманитарным исследованиям. Это место досталось лоббируемому неоконами Уильяму Беннетту. Самому Готфриду не помогло и его еврейское происхождение. Он был исключен из Института межуниверситетских исследований – организации, которая посвятила себя распространению консервативной мысли в колледжах Америки. Готфриду были поставлены в вину близкие контакты с теми публицистами, кто признает показатель IQ наследственным и обусловленным этничностью фактором [3].

Сам Готфрид хотя и продолжает выступать против неоконеров в своих многочисленных статьях и книгах, вместе с тем не верит в возрождение палеоконсервативного движения [5]. Сегодня его место заняли постпалеоконсерваторы, оспаривающие доминирование неоконеров в основном с либертарианских позиций. Проблемы идентичности, религиозных табу и социальной морали – все то, что отличало палеоконеров от либертарианцев и сближало их отчасти с «религиозными правыми» – только без их эсхатологического протестантского сектантства, – все это более и более выпадает из текущей политической повестки. Правые занимают господствующие позиции в экономике, левые – в культуре, неоконеры – во внешней политике. Крупный капитал такая своеобразная политическая консоциация вполне устраивает, и он готов поддерживать это равновесие и дальше, предотвращая смещения баланса как влево, так и вправо.

Любопытно, что даже оглушительный успех миллиардера Дональда Трампа на праймериз Республиканской партии в 2016 году не заставил Готфрида пересмотреть собственные сомнения. Увы, считает он, что бы ни случилось на этих праймериз, средства массовой информации все равно останутся в руках тех, кто не пускает на телевидение и на страницы основных газет таких правых неконформистов, как сам Пол Готфрид, а ведущие даже консервативных каналов, таких как Fox News, все равно и дальше будут с симпатией говорить о легализации гомосексуальных браков и праве женщины на аборт¹. Готфриду в каком-то смысле близка мысль о самом себе как о последнем «палеоконе», последнем из подлинных защитников традиционной Америки, уединенной от перипетий глобального мира.

Наши российские симпатии к палеоконсерваторам, конечно, будут обуславливаться прежде всего неприятием их противников – сторонников американской империи, американской исключительности и права этой страны на вооруженную агрессию. Не могут не импонировать и другие аспекты палеоконсерватизма – религиозный традиционализм, стремление поддержать национальную идентичность, в том числе за счет ограничения массовой иммиграции. Увы, нас явно разделяет с палеоконерами их прошлое – нам трудно принять их позицию невмешательства в борьбу с фашизмом, их ностальгию по «дикому рынку» дорозвельтовских времен, а также слишком сильные симпатии к традициям

¹ *Gottfried P. Will a Trump Victory Actually Dislodge the Neocons? // The Unz Review: An Alternative Media Selection, March 13, 2016. URL: <http://www.unz.com/pgottfried/will-a-trump-victory-actually-dislodge-the-neocons/>*

американского Юга. Может быть, и американский республиканский избиратель разделяет те же чувства, предпочитая всем патентованным консерваторам и либертарианцам на этих праймериз фигуру нью-йоркского миллионера, который сумел произвести какой-то новый идеологический синтез по ту сторону «палео» и «нео», а фактически и по ту сторону консерватизма и прогрессизма. Не исключено, что именно этот популистский консерватизм с лицом Трампа, сочетающий в себе жесткое сопротивление нелегальной миграции, сохранение социальных программ и протекционистскую торговую политику, и будет наиболее близок отечественному аналогу этого течения. Но чтобы аргументировать или опровергнуть такой вывод, следует дождаться итогов этих выборов.

Литература

1. *Gottfried P.E.* A Paleo Epitaph // Taki's Magazine, April 7, 2008. URL: http://takimag.com/article/a_paleo_epitaph/print#axzz37HaJQ111
2. *Gottfried P.E.* Leo Strauss and the American Conservative Movement. N.Y.: Cambridge University Press, 2012.
3. *Gottfried P.E.* The Great Purge: The Deformation of the Conservative Movement // Radix, № 2, 2015.
4. *Gottfried P.E.* Fascism: The Career of a Concept. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2015.
5. *Gottfried P.E.* Paleoconservatism: A Vanishing Traditional Right // Sydney Traditionalist Forum [2015]. URL: <https://sydneytrads.com/2015/10/17/2015-symposium-paul-edward-gottfried/>

Аннотация. Краткое послесловие раскрывает роль Пола Готфрида (род. 1941) в формировании палеоконсерватизма (его принято считать также автором самого этого термина) как альтернативы агрессивному неоконсерватизму, парадоксальным образом сопрягающей идеологические компоненты крайнего либерализма и религиозного ультраконсерватизма, и дополняет персональные сожаления Готфрида по поводу нынешнего прискорбного положения палеоконсерватизма кратким анализом его истории и его места в спектре политической идеологии США. Также затрагивается вопрос о том, как российским консерваторам следует относиться к палеоконсерватизму, демонстрирующему симпатии к определенным аспектам современной российской внешней политики, но весьма неоднозначному в его оценке прошлого.

Ключевые слова: Пол Готфрид, палеоконсерватизм, неоконсерватизм, либерализм, «новый курс» Ф. Рузвельта, либертарианство, традиционализм, фашизм, П. Бьюкенен, М. Ротбард, Д. Трамп.

Boris Mezhuiev, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, History of Russian Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, Chairman, Editorial Board, "Russian Idea" Internet site. E-mail: borismezhuiev@yandex.ru

Mr. Paleocon. Afterword to Paul Gottfried's "Paleoconservatives: Right Pariahs of America"

Abstract. The short afterword reveals the role of Paul Gottfried (b. 1941) in the formation of Paleoconservatism (Gottfried is also considered to be the author of this term) as an alternative to aggressive Neoconservatism. Paleoconservatives somewhat paradoxically couple ideological elements of extreme liberalism with religious ultra-conservatism. Personal Gottfried's regrets regarding the present-day state of Paleoconservatism are supplemented in the afterword by a short analysis of its history and its place within the spectrum of the US political ideology. The afterword also touches upon the proper attitude of Russian Conservatives to American Paleoconservatism that is obviously sympathetic with certain aspects of Russian foreign policy, but ambiguous in assessing the past.

Keywords: Paul Gottfried, Paleoconservatism, Neoconservatism, Liberalism, F. Roosevelt's New Deal, Libertarianism, Traditionalism, Fascism, Patrick Buchanan, Murray Rothbard, Donald Trump.